ИЗДАТЕЛЬСТВО МАРІИ МАЛЫХЪ.

Г. В. Плехановъ.

ТЕЗИСЫ ЛЕНИНА

и о томъ,

почему бредъ бываетъ подчасъ весьма интересенъ.

Цѣна 15 коп.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР
17691-23г.

О тезисахъ Ленина и о томъ, почему бредъ бываетъ подчасъ весьма интересенъ.

Въ статьѣ о задачахъ пролетаріата въ данной революціи («Правда» № 26) Ленинъ, изложивъ свои, отнынѣ знаменитые тезисы, въ заключеніе счелъ нужнымъ обрушиться на меня грѣшнаго. Зачѣмъ это понадобилось ему, я не знаю. Но посмотрите, какъ лихо ведетъ онъ противъ меня свою кавалерійскую атаку:

«Г. Плехановъ въ своей газетѣ назвалъ мою рѣчь «бредовой». Очень хорошо, господинъ Плехановъ! Но посмотрите, какъ вы неуклюжи, неловки и недогадливы въ своей полемикѣ. Если я два часа говорилъ бредовую рѣчь, какъ же терпѣли бредъ сотни слушателей? Далѣе. Зачѣмъ ваша газета цѣлый столбецъ посвящаетъ изложенію «бреда»? Некругло, совсѣмъ некругло у васъ выходитъ».

Я вовсе не расположенъ былъ вступать въ публицистическія схватки. Теперь у меня другая забота. При томъ же полемика, ведомая въ духѣ, какимъ пропитаны цитированныя мною строки Ленина, непремѣнно выродилась бы въ пѣтушій бой, имѣющій нѣкоторый интересъ,—да и то единственно для охотниковъ до этой забавы,—только въ эпохи политическаго затишья и общественнаго упадка. Мы же переживаемъ теперь періодъ подъема и участники пѣтушьихъ боевъ въ литературѣ должны возбуждать въ читающей публикѣ чувство отвращенія. Но я не могу и молчать. Во-первыхъ потому, что простодушные послѣдователи Ленина вообразили бы, будто мнѣ рѣшительно нечѣмъ отразить его удалой наѣздъ, во-вторыхъ, по той причинѣ, что этотъ наѣздъ представляетъ собою лишь воен-

ную демонстрацію, предпринятую съ цѣлью защиты главной позиціи, на которой расположены ленинскіе тезисы. Потому я и начинаю съ наѣзда.

Ленинъ утверждаетъ, что я неуклюжъ, неловокъ и недогадливъ въ своей полемикѣ. Если это правда, то тѣмъ лучше для него. Однако, разберемъ. Въ чемъ же собственно проявилась моя неуклюжесть, неловкость и недогадливость? Мой развязный противникъ спрашиваетъ, какимъ образомъ могли слушать бредовую рѣчь сотни слушателей въ теченіи цѣлыхъ двухъ часовъ. Затѣмъ онъ недоумѣваетъ, почему «Единство» посвятило цѣлый столбецъ изложенію бреда.

Замѣчу прежде всего, что я не давалъ никакого отзыва о рѣчи Ленина и не былъ между его слушателями. «Бредовой» назвалъ длинную рѣчь Ленина товарищъ репортеръ «Единства». Разумѣется, онъ могъ ошибиться въ своей оцѣнкѣ. Но я позволю себѣ замѣтить, что его ошибка никакъ не могла бы служить доказательствомъ моей неуклюжести, неловкости и недогадливости въ полемикѣ. Кромѣ того, впечатлѣніе бреда рѣчь Ленина произвела на огромное большинство слушателей, а не только на товарища репортера «Единства». Если въ этомъ, послѣднемъ обстоятельствѣ Ленинъ увидитъ новое доказательство слабости моего литературнаго таланта, то я боюсь, какъ бы даже простодушные читатели «Правды» не сообразили, что неуклюжестью, неловкостью и недогадливостью отличается именно онъ, Ленинъ. Пойдемъ дальше. Напрасно думаетъ мой противникъ, что «бредовая рѣчь» не можетъ привлекать къ себѣ вниманіе слушателей въ теченіе цѣлыхъ двухъ и даже болѣе часовъ. И столь же напрасно увѣряетъ онъ, будто изложенію такой рѣчи газеты не могутъ отводить много мѣста. Бредъ бываетъ иногда весьма поучителенъ, въ психіатрическомъ или въ политическомъ отношеніи. И тогда люди, занимающіеся психіатріей или политикой охотно посвящаютъ ему много времени и мѣста.

Укажу на «Палату № 6» Чехова. Она составляетъ цѣлую книжку. Въ ней излагается самый несомнѣнный бредъ, а между тѣмъ, занялся же воспроизведеніемъ этого бреда большой, очень большой художникъ. И когда мы читаемъ это произведеніе очень большого художника, мы не смотримъ на часы и нисколько не ропщемъ на то, что оно занимаетъ нѣсколько печатныхъ листовъ. Напротивъ, мы жалѣемъ о томъ, что слишкомъ скоро доходимъ до послѣдней его страницы. Это новый доводъ въ пользу того, что бредъ, оставаясь бредомъ, можетъ быть и интересенъ во многихъ отношеніяхъ.

Или возьмемъ «Записки титулярнаго совѣтника Авксентія Ивановича Поприщина». Въ художественномъ отношеніи эта вещь Гоголя слабѣе, нежели «Палата № 6». Однако и она читается съ большимъ интересомъ и никто не жалуется на то, что она занимаетъ нѣсколько «столбцовъ». То же и съ тезисами Ленина. Читая ихъ, пожалѣемъ только о томъ, что авторъ не изложилъ ихъ гораздо подробнѣе. Это не значитъ, конечно, что я ставлю Ленина на одну доску съ Гоголемъ или съ Чеховымъ. Нѣтъ, — пусть онъ извинитъ меня за откровенность. Онъ самъ вызвалъ меня на нее. Я только сравниваю его тезисы съ рѣчами ненормальныхъ героевъ названныхъ великихъ художниковъ и въ нѣкоторомъ родѣ наслаждаюсь ими. И думается мнѣ, что тезисы эти написаны, какъ разъ при той обстановкѣ, при которой набросалъ одну свою страницу Авксентій Ивановичъ Поприщинъ. Обстановка эта характеризуется слѣдующей помѣткой:

«Числа не помню. Мѣсяца тоже не было. Было чортъ знаетъ что такое».

Мы увидимъ, что именно при такой обстановкѣ, т. е. при полномъ отвлеченіи отъ обстоятельствъ времени и мѣста написаны тезисы Ленина. А это значитъ, что совершенно правъ былъ репортеръ «Единства», назвавшій рѣчь Ленина бредовой.

Первый тезисъ Ленина.

Есть люди, политическій кругозоръ которыхъ до такой степени затуманенъ любовью къ интернаціоналу, что они никакъ не могутъ,—да и не хотятъ,—разобраться въ томъ, на кого же собственно падаетъ отвѣтственность за нынѣшнюю войну. Разсужденія этихъ людей всегда заставляли меня вспоминать о томъ мѣщанинѣ въ одномъ разсказѣ Глѣба Успенскаго, который увѣрялъ, будто существуетъ статья, гласящая: «по совокупному мордобою и взаимному оскорбленію не виновны». И когда я слушалъ такія разсужденія, я не разъ мысленно восклицалъ словами купчины въ томъ же разсказѣ: «передрались мы всѣ, какъ самые послѣдніе прохвосты, а выходимъ всѣ, какъ младенцы невинные». На первый взглядъ представляется непонятнымъ, какъ можетъ человѣкъ, не совсѣмъ лишенный здраваго смысла, допускать, что въ международномъ правѣ современнаго соціализма существуетъ статья, подобная вышеуказанной. Но дѣло объясняется тѣмъ, что въ данномъ случаѣ отвѣтственность переносится съ людей на производственныя отношенія. Виноватъ во всемъ капитализмъ, который, на высшей стадіи своего развитія, непремѣнно становится имперіалистическимъ. Самъ по себѣ этотъ доводъ ничего не объясняетъ. Онъ основанъ на той логической ошибкѣ, которая въ наукѣ называется petitio principii, другими словами: онъ считаетъ доказаннымъ какъ разъ то, что требуется доказать, т. е., что отвѣтственность за каждую данную имперіалистическую войну въ одинаковой мѣрѣ падаетъ на всѣ участвующія въ ней капиталистическія страны. Но онъ успокаиваетъ совѣсть интернаціоналистовъ, «не пріемлющихъ войны» и потому нерѣдко принимается безъ критики даже людьми, отъ природы весьма неглупыми.

Ленинъ никогда не былъ человѣкомъ сильной логики. Однако, и онъ какъ будто подмѣтилъ логическую не-

состоятельность этого довода. Это явствуетъ изъ слѣдующихъ строкъ его перваго тезиса.

«Въ нашемъ отношеніи къ войнѣ, которая со стороны Россіи и при новомъ правительствѣ Львова и К°, безусловно остается грабительской имперіалистической войной, въ силу капиталистическаго характера этого правительства, недопустимы ни малѣйшія уступки революціонному оборончеству».

Вы видите: война является грабительской, имперіалистической войной со стороны Россіи. А какъ обстоитъ дѣло со стороны Германіи? Объ этомъ у Ленина не сказано ничего. Но, если со стороны одного изъ двухъ, сталкивающихся между собою лицъ, проявляется грабительское намѣреніе, то весьма естественно предположить, что другое лицо рискуетъ быть ограбленнымъ. Выходитъ, что Германія подвергалась опасности быть ограбленной Россіей. А, если это такъ, то русскому пролетаріату нѣтъ никакой надобности дѣятельно участвовать въ нынѣшней войнѣ.

Признаюсь, логика Ленина нравится мнѣ больше, нежели логика людей, въ своихъ разсужденіяхъ отправляющихся отъ убѣжденія въ безотвѣтственности «участниковъ совокупнаго мордобоя». Онъ не отказывается отъ разсмотрѣнія вопроса объ отвѣтственности: изъ приведенныхъ мною строкъ его неизбѣжно слѣдуетъ, что отвѣтственность падаетъ именно на Россію, со стороны которой проявились грабительскія намѣренія. Однако, его логичность есть именно логичность человѣка, ведущаго свои разсужденія въ томъ психическомъ состояніи, которое прекрасно характеризовалъ Поприщинъ своей помѣткой:

Числа не помню. Мѣсяца тоже не было.

Было чортъ знаетъ что такое.

Кто же не знаетъ, что война объявлена была не Россіей Германіи, а наоборотъ: Германіей—Россіи. Правда, Бетманъ-Гольвегъ узѣрялъ, что Россія своей мобилизаціей вынудила Германію объявить ей войну. Но неужели Ленинъ способенъ

принять въ серьезъ это утвержденіе германскаго канцлера, въ свое время побѣдоносно опровергнутое авторомъ извѣстной книги «J'accuse»? Допустить это совершенно невозможно. Дѣло вовсе не въ томъ, извѣстенъ или неизвѣстенъ Ленину тотъ или другой отдѣльный фактъ, знакомо или незнакомо ему то или другое утвержденіе, или то или другое опроверженіе этого утвержденія. Онъ разсуждаетъ внѣ обстоятельствъ мѣста и времени. Онъ оперируетъ единственно со своими отвлеченными формулами. И если формулы эти противорѣчатъ фактамъ, то тѣмъ хуже для фактовъ. Да и какое значеніе могутъ имѣть факты тамъ, гдѣ нѣтъ ни чиселъ, ни мѣсяца, а существуетъ лишь нѣчто совершенно фантастическое.

Ленинъ утверждаетъ, что въ виду несомнѣнной добросовѣстности широкихъ слоевъ массовыхъ представителей революціоннаго оборончества, не желающихъ никакихъ завоеваній, необходимо терпѣливо разъяснять имъ ихъ ошибку. Изъ этихъ его словъ, прежде всего, слѣдуетъ, что масса русскаго населенія желаетъ защищать свою страну, т. е. стоитъ на нашей точкѣ зрѣнія, а не на точкѣ зрѣнія Ленина. Намъ чрезвычайно пріятно лишній разъ убѣдиться въ этомъ. Но пойдемъ дальше и спросимъ себя: какую же ошибку слѣдуетъ разъяснять массѣ, расположенной къ защитѣ своей страны.

Но словамъ Ленина, мы должны «разъяснять неразрывную связь капитала съ имперіалистической войной». Какого же капитала? Такъ какъ грабительскія наклонности проявились именно «со стороны Россіи», то слѣдуетъ думать, что нынѣшняя война падаетъ на отвѣтственность русскаго капитала.

Но этому выводу противорѣчитъ слѣдующее соображеніе. Политика новѣйшаго имперіализма есть продуктъ странъ, достигшихъ наивысшей ступени капиталистическаго способа производства. Россія не принадлежитъ къ числу такихъ странъ. Мы всѣ знаемъ, что по извѣстному выраженію

Маркса ея трудящееся населеніе страдаетъ не только отъ капитализма, но также и отъ недостаточнаго развитія капитализма. Стало быть русскій капиталъ ни какъ не можетъ выступить въ роли наиболѣе виднаго и наиболѣе опаснаго для другихъ народовъ представителя имперіалистической политики.

А если онъ не способенъ выступить въ такой роли, то нелѣпо считать его главнымъ виновникомъ нынѣшняго международнаго столкновенія. Къ тому же, наша трудящаяся масса просто на просто не повѣритъ «безпристрастнымъ» агитаторамъ, которые захотѣли бы «разъяснить» ей, что отвѣтственности за войну слѣдуетъ искать преимущественно, — если не исключительно, — «со стороны Россіи». Ленинъ, какъ будто, самъ чувствуетъ это. По крайней мѣрѣ, онъ обнаруживаетъ готовность ограничиться «разъясненіемъ» того, что «кончить войну истинно демократическимъ, не насильническимъ миромъ, нельзя безъ сверженія капитала».

Смыслъ этого ясенъ: сначала сверженіе капитала, а потомъ участіе народа въ защитѣ страны. Совершенно такъ разсуждалъ Гюставъ Эрвэ до своего внезапнаго превращенія въ прямолинейнаго фанатика національной самозащиты. Марксизмомъ тутъ, разумѣется, не пахнетъ, какъ вообще не пахнетъ имъ въ разсужденіяхъ людей, не считающихся съ условіями времени и мѣста. На Парижскомъ Международномъ Соціалистическомъ Конгрессѣ 1889, на этомъ первомъ съѣздѣ второго интернаціонала, анархисты объявили измѣной соціализму выставленное нами, «марксистами», требованіе восьмичасового рабочаго дня. Они тоже говорили: сперва сверженіе капитала, а потомъ уже охрана труда. Я обидѣлъ бы современнаго читателя, если бы принялся «разъяснять» ему, что истина была не на сторонѣ анархистовъ.

Ленинъ находитъ, что его изумительная и чисто анархическая формула прогресса должна широко пропаганди-

роваться не только въ трудящейся массѣ, но также и въ дѣйствующей арміи. Это понятно. Очень нерѣдко, именно самое уродливое дитя пользуется наиболѣе горячей любовью своихъ родителей. Но совершенно загадочно окончаніе перваго тезиса Ленина. Оно состоитъ изъ одного только слова: «братанье». Съ кѣмъ братанье? По какому случаю братанье? Это остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Но принимая въ соображеніе начало перваго тезиса можно построить на этотъ счетъ довольно вѣроятную гипотезу.

Такъ какъ нынѣшняя война до сихъ поръ остается грабительской, имперіалистической войной «со стороны Россіи», то всѣмъ намъ, не одобряющимъ грабительства, русскимъ людямъ,—а также, конечно, и находящимся на фронтѣ воинамъ нашимъ,—надо побрататься съ нѣмцами: простите, молъ, насъ, добрые тевтоны, въ томъ, что мы своими грабительскими намѣреніями довели васъ до объявленія намъ войны; до занятія значительной части нашей территоріи; до надменно-звѣрскаго обращенія съ нашими плѣнными; до ограбленія Бельгіи и до превращенія этой, когда то цвѣтущей страны, въ одно сплошное озеро крови; до систематическаго раззоренія многихъ французскихъ департаментовъ и т. д., и т. д. Нашъ грѣхъ!.. Нашъ великій грѣхъ!..

Какъ только до нѣмцевъ дойдетъ этотъ трогательный, покаянный плачъ, они расчувствуются въ свою очередь, заплачутъ слезами радости, кинутся въ наши объятія, и тогда начнется, какъ говаривалъ Фридрихъ Энгельсъ: «eine allgemeine Liebesduselei» (всеобщее любовное лобызаніе).

Ну развѣ же не очевидно, что по крайней мѣрѣ первый тезисъ Ленина написанъ въ томъ фантастическомъ мірѣ, гдѣ нѣтъ ни чиселъ, ни мѣсяцевъ, а есть только чортъ знаетъ что такое?

Остальные тезисы Ленина.

Марксъ говоритъ въ знаменитомъ предисловіи къ не менѣе знаменитой книгѣ «Zur Kritik der Politischen Oekonomie» (Къ критикѣ политической экономіи):

«На извѣстной ступени своего развитія производительныя силы общества вступаютъ въ противорѣчіе съ существующими въ этомъ обществѣ отношеніями производства, или, выражая то же самое юридическимъ языкомъ, съ отношеніями собственности, внутри которыхъ онѣ развивались до сихъ поръ. Изъ формъ, содѣйствовавшихъ развитію производительныхъ силъ, эти отношенія превращаются въ препятствіе для ихъ развитія. Тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи».

Это значитъ, что далеко не во всякое данное время возможенъ переходъ отъ одного способа производства къ другому, высшему, напримѣръ, отъ капиталистическаго къ соціалистическому. Марксъ прямо говоритъ далѣе въ томъ же предисловіи, что данный способъ производства никакъ не можетъ сойти съ исторической сцены данной страны до сихъ поръ, пока онъ не препятствуетъ, а способствуетъ развитію ея производительныхъ силъ.

Теперь спрашивается, какъ же обстоитъ дѣло съ капитализмомъ Россіи? Имѣемъ ли мы основаніе утверждать, что его пѣсенка у насъ спѣта, т. е. что онъ достигъ той высшей ступени, на которой онъ уже не способствуетъ развитію производительныхъ силъ страны, а наоборотъ, препятствуетъ ему?

Выше я сказалъ, что Россія страдаетъ не только оттого, что въ ней есть капитализмъ, но также и оттого, что въ ней недостаточно развитъ капиталистическій способъ производства. И этой неоспоримой истины никогда еще не оспаривалъ никто изъ русскихъ людей, называющихъ себя марксистами. Если бы нужно было ея новое подтвержденіе, то его можно было бы почерпнуть изъ опыта нынѣшней

войны, показавшей, какъ сильно рискуетъ такое экономически отсталое государство, какъ Россія, сдѣлаться предметомъ безпощадной эксплуатаціи со стороны такого экономически развитого государства, какъ Германія. Если это такъ, то совершенно ясно, что о соціалистическомъ переворотѣ не могутъ говорить у насъ люди, хоть немного усвоившіе себѣ ученіе Маркса.

Самое важное разногласіе между нами и народовольцами, — какъ извѣстно возставшими противъ марксизма, — заключалось въ томъ, что по ихъ мнѣнію предстоявшая русская революція должна была соединить въ себѣ какъ политическій элементъ, т. е. низверженіе царизма, такъ и моментъ соціальный, точнѣе соціалистическій, мы же, въ противность имъ, доказывали, что это невозможно, вслѣдствіе экономической отсталости Россіи. Согласно нашему взгляду, завоеваніе политической свободы должно и могло было явиться лишь однимъ изъ тѣхъ необходимыхъ условій, которыя подготовятъ соціалистическую революцію, имѣющую совершиться въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Этого тоже не оспаривалъ до сихъ поръ никто изъ русскихъ марксистовъ. Не оспаривалъ этого, между прочимъ, и Ленинъ. Это обще-распространенное между русскими марксистами убѣжденіе до сихъ поръ напоминаетъ ему о себѣ время отъ времени. Въ его восьмомъ тезисѣ говорится:

«Не «введеніе» соціализма, какъ наша непосредственная задача, а переходъ тотчасъ лишь къ контролю со стороны С. Р. Д. за общественнымъ производствомъ и распредѣленіемъ продуктовъ».

Тутъ Ленинъ отдаетъ дань своему прошлому русскаго марксиста. Но, отдавая эту дань одной рукой, онъ другой рукой старается взять ее назадъ. Конечно, иное дѣло введеніе соціализма, а иное дѣло контроль. Однако, спрашивается: что же собственно хочетъ контролировать Ленинъ? Отвѣтъ: общественное производство и распредѣленіе продуктовъ. Это, увы!—весьма неопредѣленный отвѣтъ. Контроль надъ производствомъ и распредѣленіемъ продуктовъ, необходимый въ соціалистическомъ обществѣ, въ извѣстной и даже весьма значительной мѣрѣ возможенъ также и при капитализмѣ. Это опять таки очень убѣдительно доказала нынѣшняя война. Но, если восьмой тезисъ Ленина даетъ лишь неопредѣленный отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ, то первый его тезисъ совсѣмъ недвусмысленно требуетъ «полнаго разрыва на дѣлѣ со всѣми интересами капитала» Кто вполнѣ разрываетъ на дѣлѣ со всѣми интересами капитала, тотъ совершаетъ соціалистическую революцію. Такимъ образомъ, заключающаяся въ восьмомъ тезисѣ оговорка (не «введеніе» соціализма, а контроль и прочее) представляетъ собою лишь слабую попытку нашего «коммуниста» успокоить свою марксистскую совѣсть. На дѣлѣ онъ вполнѣ разрываетъ со всѣми, — основанными на теоріи Маркса, — предпосылками соціалистической политики и, со всѣмъ своимъ обозомъ и артиллеріей переходитъ въ лагерь анархистовъ, которые всегда неустанно призывали рабочихъ всѣхъ странъ къ совершенію соціалистической революціи, никогда не справляясь о томъ, какую именно фазу экономическаго развитія переживаетъ та или иная отдѣльная страна.

Соціалистическая политика, основанная на ученіи Маркса имѣетъ, конечно, свою логику. Если капитализмъ еще не достигъ въ данной странѣ той высшей своей ступени, на которой онъ дѣлается препятствіемъ для развитія ея производительныхъ силъ, то нелѣпо звать рабочихъ, городскихъ и сельскихъ и бѣднѣйшую часть крестьянства къ его низверженію. Если нелѣпо звать только что названные мною элементы къ низверженію капитализма, то не менѣе нелѣпо звать ихъ къ захвату политической власти. Кто-то изъ нашихъ товарищей, оспаривавшихъ тезисы Ленина въ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депута-

товъ напомнилъ ему глубоко истинныя слова Энгельса о томъ, что для даннаго класса не можетъ быть большаго историческаго несчастья, какъ захватъ власти въ такую пору, когда его конечная цѣль остается недостижимой по непреодолимымъ объективнымъ условіямъ. Ленина въ его нынѣшнемъ анархическомъ настроеніи, разумѣется, не можетъ образумить подобное напоминаніе. Всѣхъ тѣхъ, которые возражали ему въ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, онъ оптомъ величаетъ оппортунистами, поддавшимся вліянію буржуазіи и проводящими ея вліяніе на пролетаріатъ. Это опять языкъ анархиста. Если читатель дастъ себѣ трудъ перелистать старую книгу М. А. Бакунина: «Государственность и Анархія», то онъ увидитъ, что, отцу русскаго анархизма самъ Марксъ представлялся оппортунистомъ, поддавшимся вліянію буржуазіи и проводящимъ ея вліяніе на пролетаріатъ. Да иначе и быть не могло. Въ анархизмѣ тоже есть своя логика. Всѣ тезисы Ленина вполнѣ согласны съ этой логикой. Весь вопросъ въ томъ, согласится ли русскій пролетаріатъ усвоить себѣ эту логику. Если бы онъ согласился усвоить ее себѣ, то пришлось бы признать безплодными наши болѣе чѣмъ тридцатилѣтнія усилія по части пропаганды идеи Маркса въ Россіи. Но я твердо увѣренъ въ томъ, что этого не будетъ и, что въ призывахъ Ленина къ братанью съ нѣмцами, къ низверженію Временнаго Правительства, къ захвату власти и т. д. и т. д. наши рабочіе увидятъ именно то, что они представляютъ собою въ дѣйствительности, т. е. — безумную и крайне вредную попытку посѣять анархическую смуту въ Русской Землѣ.

Русскій пролетаріатъ и русская революціонная армія не забудутъ, что если эта безумная и крайне вредная попытка не встрѣтитъ немедленнаго энергичнаго и суроваго отпора съ ихъ стороны, то она съ корнемъ вырветъ молодое и нѣжное дерево нашей политической свободы.

Г. Плехановъ.